

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗНОСТИ КАК ВАЖНЕЙШЕГО КОМПОНЕНТА ОБЩЕЙ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ТЕКСТА

Всякий текст, как известно, сложное и многоплановое явление. Выделение образности в отдельный план достаточно условно, ибо все планы конкретного текста формируются за счет одного и того же набора языковых средств, единого и единственного в рамках данного текста. Существование и функционирование каждого из планов обеспечивается всеми остальными. Под образностью в работе понимается качество, характер образов и степень насыщенности ими текста.

Данная статья посвящена экспериментальному исследованию образности. Нами был разработан и проведен эксперимент, основанием для которого явились следующие соображения.

Прагматическая функция текста осуществляется как изменение в сознании и поведении реципиента. Но эти изменения могут произойти лишь в том случае, если текст обладает набором некоторых свойств, которые делают его содержание наиболее выразительным, т. е. лично значимым для реципиента. Другими словами, прагматическая функция может реализоваться при достаточной экспрессивности текста.

Из этого факта вытекают два практических следствия. Во-первых, оценив экспрессивность текста путем анализа использованных в нем языковых средств, можно прогнозировать (с разной степенью вероятности) прагматический эффект восприятия этого текста. Во-вторых, по тем изменениям, которые возникают в сознании и поведении реципиента, можно судить об экспрессивности текста. Более того, если сопоставить возникшие у реципиента конкретные изменения в психике и поведении с конкретными различиями в экспрессивности разных текстов, то можно получить новые знания, относящиеся к механизмам экспрессивности.

На данных рассуждениях и основана предлагаемая здесь логическая схема экспериментальной методики и общее основание для выдвинутой нами гипотезы.

Самым сложным в конструировании подобных экспериментов является поиск способов обнаружения и объективной регистрации тех изменений в психике испытуемых, которые возникают в результате восприятия текста. Метод самонаблюдения в данном случае малоэффективен, ибо в психических процессах совсем немного эксплицируется для самосознания настолько, чтобы стать объектом полноценной регистрации, вербализации и осмысления. Известно, что самонаблюдение отличается крайним субъективизмом, чревато иллюзиями и ложными констатациями. По этим причинам в психологических науках и психолингвистике самонаблюдение считается вспомогательным методом.

Учитывая сказанное, мы избрали другой способ объективации и регистрации психических образов: восприняв текст, испытуемый должен нарисовать на бумаге объекты, встретившиеся ему в тексте. Полученные рисунки поддаются объективному анализу и классификации по ряду параметров.

Выбор указанного вида деятельности испытуемого позволил окончательно сформулировать гипотезу: если испытуемый воспринимает тексты одинакового содержания, но с различной степенью образной экспрессивности, например, текст с преобладанием первичных образов (нейтральный) и текст с преобладанием вторичных образов (художественный), то прагматический эффект — воздействие на сознание и действия испытуемого — выразится в рисунках и будет различным в зависимости от степени экспрессивности текста. Характер и диапазон этих различий можно определить путем количественно-качественного анализа рисунков по ряду параметров.

Экспериментальная процедура заключалась в следующем. Эксперимент состоял из трех серий. В первой серии, состоящей из двух частей, испытуемый получал лист черной бумаги и две ручки — одна с синей пастой, другая — с красной. Давалась следующая инструкция: «Сейчас я прочитаю вслух небольшой текст. Ваша задача — как можно лучше представить себе, вообразить все то, о чем говорится в тексте, а потом нарисовать это на бумаге ручкой с синей пастой».

После прочтения текста давалось продолжение инструкции: «А теперь будем рисовать ручкой с синей пастой. Качество рисунков не имеет значения, рисуйте, как можете. Для рисования вам дается 10 минут. Используйте их полностью. Приступайте!».

По истечении 10 минут испытуемым давалась новая инструкция: «Сейчас я прочитаю этот же текст еще раз. Ваша задача: прослушав текст, с помощью красной пасты дополнить свой рисунок всем тем, что придет вам в голову, нарисуйте то, чего нет в тексте. Обязательно сделайте добавления».

После прочтения текста давалась вторая часть инструкции: «Теперь будем рисовать ручкой с красной пастой. Годятся рисунки любого качества — и умелые, и неумелые. Для рисования дается 10 минут, нужно их полностью использовать. Приступайте!».

В первой серии испытуемым предлагался нейтральный текст: «Осенью в морской воде появляется большое количество различных светящихся бактерий и животных. Поэтому морская вода ярко светится. Прозрачная вода освещена снизу светом типа лунного. Свет наблюдается до линии горизонта. У горизонта небо также светится. Свечение воды то ослабляется, то усиливается. Под водой можно увидеть множество светящихся точек. Они то погружаются на дно, то всплывают на поверхность».

Экспериментальная процедура второй серии также состояла из двух частей и в точности совпадала с первой: сначала испытуемые, прослушав текст, рисовали то, что «в нем есть», потом, прослушав еще раз, рисовали то, чего «в тексте нет».

Отличие от первой серии состояло в том, что испытуемым предлагался другой текст — художественный (отрывок из повести К. Паустовского «Черное море»): «Море горело. Казалось, его дно состояло из хрустала, освещенного снизу лунным огнем. Свет разливался до горизонта, и там, где всегда сгущается тьма, небо сверкало, как бы затянутое туманом. Широкий свет медленно мерк. Но после недолгой темноты море опять превращалось в незнакомое звездное небо, брошенное к нашим ногам. Мириады звезд, сотни млечных путей плавали под водой. Они то погружались, потухая, на самое дно, то разгорались, всплывая на поверхность воды».

Во второй серии участвовала та же группа испытуемых, что и в первой, но между двумя сериями устанавливался перерыв в одну неделю. Это делалось для того, чтобы ослабить у испытуемых впечатление от содержания нейтрального текста, использованного в первой серии, и от собственных действий (рисунков), а также и для того, чтобы избежать прямого влияния одного вида деятельности испытуемых на другой — рисунков, выполняемых в первой и второй частях каждой серии (рисование того, что «есть в тексте» и того, чего «нет в тексте»).

Третья серия заключалась в том, что в эксперименте участвовали две другие группы испытуемых, не знакомые с данной методикой, и каждая из групп выполняла задание лишь по одному из тех текстов, которые использовались в первой и второй сериях. Одной группе давался только нейтральный текст, и испытуемые рисовали то, что «есть в тексте» и чего «нет в тексте». Другой группе давался только художественный текст, и задание тоже состояло из двух частей.

Включение в эксперимент третьей серии мотивировалось следующими соображениями. Несомненно, в памяти испытуемых первой группы (несмотря на недельный промежуток между первой и второй сериями) оста-

ются следы их деятельности на основе первого (нейтрального) текста. По-видимому, невозможно вовсе исключить влияние этих следов на деятельность испытуемых во второй серии на основе художественного текста. В третьей же серии такого влияния быть не может, поскольку испытуемые второй и третьей групп выполняют рисунки на основе только одного из двух текстов. Думается, что сравнительный анализ рисунков, полученных в первой и второй сериях, с рисунками третьей серии позволит получить более объективные и надежные результаты.

Выбор видов деятельности испытуемых в нашем эксперименте, его процедура, членение каждой серии на две части имеют следующее психологическое обоснование. Инструкция в первой части (во всех сериях) перед восприятием текста создает у испытуемых установку на произвольное внимание, произвольное запоминание и, что для нас особенно важно, установку на деятельность репродуктивного воображения. В основе рисования на бумаге объектов, представленных в тексте, лежит именно репродуктивное воображение, поскольку здесь имеется полное соответствие двум существенным признакам: а) при создании образов испытуемый не только использует свой прошлый опыт, но и непосредственно опирается на прямой источник какой-либо информации об объекте (карта, схема, чертеж, устный или письменный текст), т. е. это воображение «по описанию»; б) образы, при этом создаваемые, являются новыми лишь для самого воображающего.

Инструкция во второй части (во всех сериях) перед восприятием того же самого текста тоже создает у испытуемых установку на произвольное внимание, произвольное запоминание и воображение, но теперь уже не на репродуктивное, а творческое. Испытуемым предлагается рисовать то, чего «нет в тексте». Это значит, что при создании образов испытуемый не опирается непосредственно на какой-либо прямой источник знаний об объекте, т. е. на описание, хотя, разумеется, использует свой прошлый опыт.

Таким образом, в первой серии работа и репродуктивного, и творческого воображения стимулировалась нейтральным текстом, во второй — художественным, в третьей серии — и нейтральным (в одной группе), и художественным (в другой группе). Это способствовало решению главной задачи эксперимента: выявить различия в репродуктивном и творческом воображении при восприятии нейтрального и художественного текстов, что является следствием их различной образной экспрессивности.

Эксперимент был проведен в Витебском пединституте со студентами третьего и четвертого курсов филологического факультета. Из них были образованы три группы испытуемых по 25 человек в каждой, всего 75 человек: первая группа — для участия в первой и второй сериях, вторая и третья группы — для участия в третьей серии.

От испытуемых получено 100 листов с рисунками: от первой группы 50 листов (по 25 листов в каждой серии), от второй и третьей — по 25 листов.

Рисунки каждого испытуемого после соответствующего анализа классифицированы, и результаты представлены следующими парными показателями: 1а) Количество объектов в репродуктивных рисунках по нейтральному тексту (то, что «есть в тексте») и 1б) Тот же показатель по художественному тексту; 2а) Количество объектов, которых нет в тексте, попавших вопреки инструкции в репродуктивные рисунки по нейтральному тексту и 2б) Тот же показатель по художественному тексту; 3а) Количество объектов в творческих рисунках по нейтральному тексту (то, чего «нет в тексте») и 3б) Тот же показатель по художественному тексту; 4а) Количество предметно-тематических категорий в репродуктивных рисунках по нейтральному тексту и 4б) Тот же показатель по художественному тексту; 5а) Количество предметно-тематических категорий в рисунках объектов, которых «нет в тексте», попавших вопреки инструкции в репродуктивные рисунки по нейтральному тексту и 5б) Тот же показатель по художественному тексту; 6а) Количество категорий в творческих

рисунках по нейтральному тексту и 6б) Тот же показатель по художественному тексту; 7а) Количество объектов с явной ассоциативной связью с объектами текста в творческих рисунках по нейтральному тексту и 7б) Тот же показатель по художественному тексту; 8а) Количество объектов с неявной ассоциативной связью в творческих рисунках по нейтральному тексту и 8б) Тот же показатель по художественному тексту.

Анализ результатов всех экспериментов позволил получить средние арифметические величины для каждой из трех групп испытуемых в первой, второй и третьей сериях. Исключение составляют три парных показателя — 4а и 4б; 5а и 5б; 6а и 6б. В них представлены не средние арифметические, а общее количество предметно-тематических категорий, имеющихся во всей совокупности рисунков отдельной группы испытуемых по определенному тексту в первой и во второй частях каждой из трех серий.

Итоговые результаты эксперимента позволили сделать следующие выводы:

1. Подтвердилась гипотеза, проверявшаяся в эксперименте: восприятие текстов одинакового содержания, но с различной образной экспрессивностью — нейтрального и художественного — оказало различное воздействие на сознание и действия реципиентов, что нашло свое выражение в рисунках испытуемых.

2. Экспериментальная процедура позволила искомым различия локализовать в процессах репродуктивного и творческого воображения, что дало возможность выразить результаты в сопоставимых показателях, отражающих явления одной психологической природы.

3. Количественно-качественный анализ рисунков по ряду параметров, нашедших свое выражение в парных показателях, выявил характер и диапазон различий в воздействии на реципиентов текстами с различной образной экспрессивностью.

4. Художественный текст оказал на испытуемых большее воздействие, чем нейтральный, по всем количественным и качественным (содержательным) показателям. После восприятия художественного текста испытуемые и в репродуктивных, и в творческих рисунках изображают большее число объектов, чем после восприятия нейтрального текста. Значительно большее число предметно-тематических категорий объектов также обнаруживается в рисунках по художественному тексту — и в репродуктивных, и в особенности в творческих.

5. Весьма симптоматичны парные показатели 2а и 2б, 5а и 5б, которые пришлось ввести после того, как обнаружилось, что испытуемые нарушают инструкцию в первой части каждой серии: помимо рисования того, что «есть в тексте», часто рисуют и то, чего «нет в тексте». Такого рода объектов оказалось больше в репродуктивных рисунках по художественному тексту, в них же оказалось больше и предметно-тематических категорий объектов. Эти явно произвольные действия свидетельствуют, на наш взгляд, о большей воздействующей силе художественных образов, т. е. о большей их экспрессивности.

6. В творческих рисунках по художественному тексту обнаруживается большее число неявных ассоциативных связей между изображенными объектами и объектами, названными в тексте, что свидетельствует о большем диапазоне стимулирующего воздействия на творческое воображение художественного текста в сравнении с нейтральным. Следовательно, образ — не только средство повышения экспрессивности, усиления эстетического и воздействующего эффектов, но и фактор интенсификации сотворчества реципиента.